

Г. Ф. Шершеневичъ
Профессоръ Казанскаго Университета.

Земскій Соборъ.

Публичная лекція, прочитанная 13 марта 1905 года, въ Казани.

КАЗАНЬ
Типо-литографія Императорскаго Университета.
1905.

Г. Ф. Шершеневичъ
Профессоръ Казанскаго Университета.

Земскій Соборъ.

Публичная лекція, прочитанная 13 марта 1905 года, въ Казани.

КАЗАНЬ
Типо-литографія Императорскаго Университета.
1905.

Дозволено цензурою. Г. Казань, 8 апрѣля 1905 года.

Въ рескриптѣ на имя министра внутреннихъ дѣлъ, отъ 18 февраля, Государю Императору угодно было возвѣстить, что отнынѣ онъ намѣренъ „привлекать достойнѣйшихъ, довѣріемъ народа облеченныхъ, избранныхъ отъ населенія людей къ участію въ предварительной разработкѣ и обсужденіи законодательныхъ предположеній“. Нигдѣ въ рескриптѣ не встрѣчается выраженіе „земскій соборъ“. И тѣмъ не менѣе едва ли можетъ подлежать сомнѣнію, что рѣчь идетъ именно о земскомъ соборѣ.

Весьма понятно поэтому, что для насъ въ настоящее время чрезвычайно важно уяснить себѣ идею того явленія русской исторіи, которое извѣстно подъ именемъ земскаго собора и о которомъ нынѣ заглохла въ народѣ всякая память. Эту идею можно уловить только въ исторіи.

Какія же силы историческія вызвали на свѣтъ это интересное общественное явленіе? На первомъ планѣ стоитъ необходимость утвержденія внутренняго государственнаго порядка, расшатаннаго какими-либо чрезвычайными событіями. Эта потребность особенно ярко выступаетъ въ половинѣ XVI и въ началѣ XVII столѣтій.

Пользуясь малолѣтствомъ Іоанна IV, бояре, въ рукахъ которыхъ сосредоточивалось государственное управленіе, въ борьбѣ за вліяніе и власть, сводя свои родовые счеты, натравливая другъ на друга чернь, внесли въ обществен-

ную жизнь полное разстройство. Страдая отъ неправды, народъ дошелъ до совершеннаго отчаянія и умертвилъ въ Успѣнскомъ соборѣ родного дядю Царя, боярина Юрія Глинскаго. Еще совсѣмъ юноша, 20 лѣтъ, Іоаннъ перенесъ тяжелый нравственный кризисъ и вдругъ увидѣлъ, что боярская и приказная администрація совершенно оттѣснила отъ него народъ, что ненависть противъ должностныхъ лицъ за ихъ злоупотребленія властью легко можетъ быть перенесена на него самого, и что только въ сближеніи съ народомъ можетъ онъ найти опору для своей, потерявшей авторитетъ, власти. И вотъ русскій Царь, извѣстный впослѣдствіи подъ именемъ Грознаго, вызвалъ въ Москву выборныхъ земли, вышелъ къ нимъ на Красную площадь, земно поклонился на всѣ четыре стороны и произнесъ слѣдующую замѣчательную рѣчь.

„Молю тебя, святый владыко, сказалъ царь, обращаясь къ митрополиту, будь мнѣ помощникъ и любви поборникъ; знаю, что ты добрыхъ дѣлъ и любви желатель. Знаешь самъ, что я послѣ отца своего остался четырехъ лѣтъ, послѣ матери восьми. Родственники о мнѣ небрегли, а сильные мои бояре и вельможи обо мнѣ нерадѣли, и самовластны были, сами себѣ саны и почести похитили моимъ именемъ, и во многихъ корыстяхъ, хищеніяхъ и обидахъ упражнялись. Я же былъ какъ бы глухъ и не слышалъ, и не было въ устахъ моихъ обличенія, по причинѣ юности моей и пустоты. Они же властвовали. О, неправедные лихоимцы и хищники и судьи неправедные! Какой теперь дадите намъ отвѣтъ за ту кровь, которую пролили? Я же чистъ отъ крови сей. Ожидайте воздаянія себѣ!“ Затѣмъ, обратившись къ народу, Царь продолжалъ: „Люди Божьи и намъ дарованные Богомъ! Молю у васъ вѣры въ Бога и къ намъ любви. Нынѣ прежнихъ обидъ и раззореній и на-

логовъ исправить невозможно, замедленія ради юности моей и пустоты и безпомощства, и неправдъ ради бояръ моихъ и властей и безсудства ихъ неправеднаго, и лихоиманія, и сребролюбія. Оставьте нынѣ взаимную вражду. Отъ нынѣ же я самъ буду, насколько въ силахъ моихъ, судья вамъ и оборона“.

Дѣятельность перваго собора привела къ замѣнѣ бюрократической системы мѣстнаго управленія широкимъ началомъ самоуправленія, къ обновленію суда и законодательства. Результатомъ сближенія съ народомъ были годы внутренняго мира, блестящіе военные успѣхи, какъ завоеваніе Казани и Астрахани. Если связь Царя съ народомъ порвалась и настали снова мрачныя времена, то виною тому оказалось извращенное воспитаніе, данное талантливой натурѣ Іоанна и обрушившееся всею тяжестью на тѣхъ, кто разсчитывалъ воспользоваться въ свою выгоду тѣмъ, что Царь не зналъ своей страны, былъ чуждъ своему народу. И все же сама идея не заглохла. Авторъ „Бесѣды Валаамскихъ чудотворцевъ“ о монастырскомъ землевладѣніи предлагалъ сдѣлать земскій соборъ ежегоднымъ и всесословнымъ представительнымъ собраніемъ, которое помогало бы правительству въ надзорѣ за областною администраціею. „Царь долженъ съ радостью, безъ высокоумной гордости, съ христоподобной смиренной мудростью, воздвигнуть отъ всѣхъ градовъ своихъ и отъ уѣздовъ городовъ тѣхъ и безпрестанно держать при себѣ погодно ото всѣхъ мѣръ всякихъ людей и на всякъ день ихъ добрѣ распросить Царю самому о всегоднемъ посту и о каяніи всего міра и про всякое дѣло міра сего“. Сторонникомъ единенія Царя съ народомъ выступаетъ и князь Андрей Курбскій, который писалъ, что Царь долженъ искать доб-

раго и полезнаго совѣта не только у совѣтниковъ, но и у „всенародныхъ человѣкъ“.

Еще болѣе важный и опасный моментъ переживала Россія въ началѣ XVII вѣка, такъ называемое смутное время. Государственной власти какъ-бы не было, потому что не существовало никакой нравственной связи между народомъ и его царями. Борисъ Годуновъ не имѣлъ за собою династическихъ традицій и на немъ лежало кровавое подозрѣніе. Василій Шуйскій не былъ выбранъ народомъ, а „выкрикнутъ“ московской толпой. Дмитрій, этотъ таинственный незнакомецъ, явился изъ чужой земли съ чуждыми народу нравами и міровоззрѣніемъ. Внѣшніе враги, поляки, распоряжаясь въ странѣ, какъ у себя дома, внутренніе враги, воровскіе люди, пользуясь смятеніемъ, грабили, жгли, и убивали своихъ же соотечественниковъ. Казалось, Московское государство погибало. Кто же явился спасителемъ страны? Самъ народъ, въ лицѣ своихъ выборныхъ, давшій рядъ земскихъ соборовъ, которые не только посадили на престолъ Михаила Феодоровича Романова, но и укрѣпили своимъ авторитетомъ власть избраннаго народомъ Царя, утвердили миръ внутри и обезпечили страну отъ внѣшней опасности.

Къ земскимъ соборамъ обращались московскіе цари, когда правительство предполагало какое-нибудь рискованное предпріятіе и желало поддержки народа. Такъ было въ 1642 году, когда удалые казаки захватили Азовъ и просили Царя поддержать ихъ. Вопросъ не легко было разрѣшить. Съ одной стороны историческое тяготѣніе къ Черному морю, а съ другой опасность трудной войны за обладаніе этимъ дальнимъ, хотя вовсе и не лишнимъ, городомъ. Соборъ достойно оцѣнилъ рискъ предпріятія: сознавая всю важность пріобрѣтенія Азова, выборные смиренно указали

на непосильность задачи съ военной и финансовой стороны. И Царь благоразумно отказался отъ Азова. Въ 1653 году возникаетъ вопросъ о присоединеніи Малороссіи: Царь спрашиваетъ совѣта у народа и земскій соборъ, въ согласіи съ Царемъ, рѣшаетъ, что дѣло это полезное и возможное.

Земскіе соборы созываются для обновленія законодательства, отставшаго отъ жизни. Если намъ мало извѣстна несомнѣнная связь между первымъ земскимъ соборомъ и Царскимъ Судебникомъ, то передъ нами достаточно полно раскрывается роль выборныхъ русской земли въ дѣлѣ составленія Уложенія 1649 года, надолго, донынѣ, ставшаго основою русскаго законодательства.

Итакъ, земскіе соборы созывались для возстановленія разстроеннаго государственнаго порядка, для избранія царей, для совѣта при рискованныхъ предпріятіяхъ, для изысканія денежныхъ средствъ, для обновленія законодательства.

Въ исторіи земскихъ соборовъ можно подмѣтить три періода. Первая эпоха,—это XVI вѣкъ, когда соборы носятъ случайный, временный характеръ. Іоаннъ IV, кромѣ указаннаго уже собора, созывалъ его еще разъ въ 1566 году, по случаю ливонской войны. Соборы 1584 и 1598 годовъ имѣли исключительно избирательный характеръ. Во вторую эпоху, совпадающую съ царствованіемъ Михаила Феодоровича, земскій соборъ превращается въ постоянное учрежденіе, участвующее въ государственномъ управленіи, совмѣстно съ Царемъ. Соборы призываются не въ критическія минуты, но для правильнаго сотрудничества при разрѣшеніи всѣхъ текущихъ дѣлъ. Первый соборъ этого періода начинаетъ свою дѣятельность въ январѣ 1613 года, и выполняетъ свои обязанности до 1615. Въ концѣ этого года дѣлается новый призывъ выборныхъ, которые съѣзжаются къ нача-

лу 1616 года. Этотъ соборъ работалъ до 1618 года. Въ 1619 году открываетъ свою дѣятельность третій соборъ, который закрылся въ 1621 году. Между 1622 и 1632 годами нѣтъ указаній на дѣятельность соборовъ. Слѣдуетъ ли искать причины этого въ несозываніи соборовъ или же въ молчаніи источниковъ, вообще не очень распространяющихся на счетъ земскихъ соборовъ? Проф. Владимірскій-Будановъ склоненъ думать, что это пробѣлъ не въ дѣятельности соборовъ, а, можетъ быть, въ нашихъ свѣдѣніяхъ о ней. Во всякомъ случаѣ въ 1632 году собираются снова выборные и засѣдаютъ въ теченіе 1633 и 1634 годовъ. Затѣмъ свѣдѣнія опять отрывочны: упоминается дѣятельность соборовъ въ 1636, 1637, 1642, 1645 годахъ. При всей скудности источниковъ, можно замѣтить, что выборные вызывались на три года, послѣ чего ихъ замѣняли новые и одинъ соборъ непосредственно примыкалъ къ другому. Съ избраніемъ на царство Алексѣя Михайловича наступаетъ третій періодъ въ исторіи земскихъ соборовъ, когда они снова получаютъ тотъ случайный, временный, характеръ, который былъ имъ присущъ въ XVI столѣтіи. Соборы созываются по выдающимся лишь поводамъ, все рѣже и рѣже, пока и вовсе не замираютъ. Соборъ 1653 года былъ послѣднимъ земскимъ соборомъ на Руси.

Такимъ образомъ, призывъ свободно избранныхъ представителей земли, въ качествѣ ли временныхъ совѣтниковъ или постоянныхъ сотрудниковъ Государю, съ необходимостью котораго встрѣтилась современная русская жизнь, не представляетъ чего-либо новаго, чуждаго русской исторіи. Но, если земскій соборъ исконное русское явленіе, то можно ли считать его явленіемъ самобытнымъ? Можно ли утверждать, что русская исторія выработала такую форму соучастія Государя съ народомъ въ управленіи,

которая не имѣетъ ничего общаго съ формами, извѣстными народамъ Западной Европы?

Посмотримъ на формы, наиболѣе извѣстныя, на французскіе états généraux. Что послужило поводомъ къ первому ихъ созыву? Филиппъ Красивый, нуждаясь въ денежныхъ средствахъ, наложилъ свою руку на церковныя имущества. Это повело къ столкновенію короля съ папою Бонифаціемъ VIII. Вопросъ не могъ быть рѣшенъ силою одного оружья—авторитетъ папы былъ нравственный. Чтобы свергнуть авторитетъ духовной власти, свѣтской власти пришлось искать другого авторитета, на который можно было бы опереться въ этой борьбѣ. Такимъ авторитетомъ могъ быть только народъ въ лицѣ его представителей. И дѣйствительно, собраніе отъ трехъ сословій 1302 года, руководствуясь соображеніями государственнаго порядка, помогло королю возвысить свою власть въ ущербъ власти папы. Во время тяжелой столѣтней войны съ англичанами, которые хозяйничали во Франціи, какъ у себя дома, собраніе государственныхъ чиновъ не разъ поддерживало духъ въ защитникахъ страны и изыскивало матеріальныя средства для борьбы съ врагами. Etats généraux XVI вѣка неоднократно возбуждали законодательнеые вопросы, послѣдствіемъ чего были соотвѣтствующіе ордонансы. Собраніе 1593 года посадило на престолъ Франціи Генриха Бурбона, успокоившаго страну отъ раздиравшихъ ее религіозныхъ войнъ. Послѣднее собраніе происходило въ 1614 году. Въ блестящія царствованія Людовика XIII, XIV и XV авторитетъ народа былъ ненуженъ. Но въ этомъ блескѣ уже таилось зло. Его чувствовали, но къ народу не обращались. Въ однихъ мемуарахъ разсказывается, какъ однажды вечеромъ въ кабинетѣ Людовика XV происходилъ разговоръ по поводу нѣкоторыхъ затрудненій, которыя

тогда испытывало французское правительство. Одинъ изъ присутствовавшихъ высказалъ мысль, что затрудненія эти должны привести къ созванію генеральныхъ штатовъ. Король, обыкновенно очень спокойный, при этихъ словахъ вскочилъ, взялъ сказавшаго за руку и съ сердцемъ произнесъ: „Прошу васъ, никогда не повторяйте этихъ словъ. Я человѣкъ не вспыльчивый, но если бы я имѣлъ брата и онъ рѣшился бы дать мнѣ подобный совѣтъ, я, не задумываясь, пожертвовалъ бы имъ для блага короны и королевства“! Но не прошло и 15 лѣтъ отъ смерти Людовика XV, какъ обнаружилось съ очевидностью, что бюрократическая система не въ состояніи справиться съ государственнымъ механизмомъ, и пришлось вспомнить о старинной формѣ сближенія короля съ народомъ. Это произошло въ знаменательный 1789 годъ...

Кто привыкъ смотрѣть на общественную жизнь, какъ на явленія, подчиненныя закону причинности и закону развитія, тотъ мало способенъ поддаваться иллюзіи самобытности, ложной въ теоріи, вредной на практикѣ.

Возвратимся къ земскимъ соборамъ въ Россіи. Чтобы отвѣчать своему назначенію, земскій соборъ долженъ былъ выражать мнѣніе и волю всей земли. Иначе у него недостало бы авторитета, чтобы возстановить расшатанный порядокъ или избрать царя. Поэтому нельзя признать земскими соборами призывы выборныхъ людей по какимъ-либо спеціальнымъ вопросамъ. Напр. въ 1660 году было совѣщаніе бояръ съ московскими гостями и тяглыми людьми о причинахъ дороговизны хлѣба и о мѣрахъ къ пониженію цѣнъ. Или, въ 1682 году состоялось собраніе выборныхъ отъ служилыхъ людей для пересмотра ратнаго дѣла. Это не были соборы, а только совѣщанія со свѣдущими людьми, здѣсь не была представлена вся земля, а

только знатоки того дѣла, которое требовало какого-либо мѣропріятія.

Какъ же достигалось условіе, чтобы земскій соборъ представлялъ собою всю землю? Если принять въ соображеніе, что въ XVII столѣтіи населеніе Московскаго государства дѣлилось на три основныхъ класса, духовенство, служилыхъ и посадскихъ людей, и что въ административномъ отношеніи территорія дѣлилась на уѣзды съ городами, къ которымъ тяготѣли,—то мы легко поймемъ, что выборы должны были быть организованы такъ, чтобы въ каждомъ городѣ отъ всего уѣзда избирались представители отъ всѣхъ трехъ классовъ. Такъ, напр., въ призывѣ выборныхъ на соборъ 1619 года требовалось прислать изъ городовъ по два выборныхъ отъ духовныхъ, отъ служилыхъ, отъ посадскихъ, т. е. по шести отъ уѣзда. Начало представительства на земскихъ соборахъ само имѣетъ исторію, какъ это раскрылъ проф. Ключевскій. Свободное избраніе, мало обезпеченное въ началѣ, постепенно все болѣе утверждалось и отъ московскаго населенія распространялось на населеніе всего Московскаго государства. Организація представительства стояла въ зависимости отъ организаціи самого общества. Чѣмъ сложнѣе дѣлалось классовое дробленіе, тѣмъ сложнѣе становилось представительство на соборѣ. Но только при такой параллели и могли выборные представлять всю землю. Только при такомъ условіи каждый могъ имѣть избирательный голосъ. Исключеніе составлютъ крестьяне, которые, какъ кажется, встрѣчаются только на соборѣ 1613 года.

Конечно, составъ земскихъ соборовъ въ идеѣ слѣдуетъ, какъ это правильно замѣтилъ проф. Сергѣевичъ, отличать отъ состава ихъ въ дѣйствительности. Если по идеѣ земскій соборъ долженъ былъ представлять всю землю,

то на самомъ дѣлѣ, по своему составу, соборы далеко не всегда были близки къ этой идеѣ. Неполнота представительства объясняется тѣмъ, что не всѣ города присылали выборныхъ, а если и присылали, то не въ требуемомъ количествѣ. Такое явленіе въ свою очередь находитъ себѣ объясненіе въ томъ, что при отдаленности нѣкоторыхъ городовъ отъ Москвы и при отсутствіи сносныхъ путей сообщенія, затруднительно было прислать выборныхъ къ сроку. Затѣмъ, продолжительность сессіи заставляла бросить на долго домъ и хозяйство, что многимъ могло и не нравиться. Наконецъ, поѣздка въ Москву соединялась съ крупными расходами, которые падали на избирателей, предпочитавшихъ иногда по этой причинѣ уклоняться отъ повинности. Даже на самомъ полномъ соборѣ 1649 года далеко не всѣ города были представлены выборными лицами. Тѣмъ не менѣе по идеѣ земскій соборъ представлялъ всю землю, потому что все населеніе и всѣ мѣстности могли имѣть въ немъ участіе своимъ голосомъ.

Не нужно и здѣсь видѣть какой-нибудь особенности русскаго характера: въ то же самое время въ Англіи избиратели уклоняются отъ посылки депутатовъ въ парламентъ, ссылаясь на издержки, а избранные депутаты охотно остаются дома.

* * *

Какова же была роль земскихъ соборовъ въ Россіи? Было ли это чисто совѣщательное учрежденіе? Ограничивалась ли его задача предложеніемъ совѣта Царю, отъ котораго зависѣло воспользоваться или пренебречь данными указаніями. Такъ, думалъ, напр. Чичеринъ, утверждавшій, что „характеръ земскихъ соборовъ остается чисто совѣщательнымъ,—они созываются правительствомъ, когда оно нуждается въ совѣтѣ по извѣстному дѣлу“.

Замѣтимъ прежде всего, что мы совершенно не знаемъ борьбы между соборами и Царемъ, не знаемъ даже случаевъ, когда бы Царь поступилъ въ противность соборному мнѣнію.

Если бы роль земскаго собора была только совѣщательной, то для чего было собирать „всю землю?“ Въ качествѣ совѣтчиковъ могли бы быть призваны съ большимъ успѣхомъ люди свѣдущіе по тѣмъ или другимъ вопросамъ. Такъ и поступало, какъ мы видѣли, московское правительство, когда нуждалось въ какихъ-нибудь спеціальныхъ совѣтахъ, гдѣ ратные или торговые люди могли принести свой житейскій опытъ по спеціальнымъ вопросамъ. Но земскіе соборы тѣмъ и отличаются отъ подобныхъ собраній, что они представляютъ по идеѣ „всю землю“. Можно ли думать, чтобы какіе-нибудь посадскіе признавались болѣе компетентными въ дѣлѣ государственнаго управленія, чѣмъ окружавшіе Царя бояри и дьяки? Очевидно, земскій соборъ силенъ былъ не знаніями, а авторитетомъ. Не совѣтъ его былъ важенъ, а то, что его мнѣніе—мнѣніе всей земли, и что вся земля русская охотно подчинялась ему, какъ своей собственной мысли, своей собственной волѣ. Если обращались къ земскому собору, то потому, что въ нѣкоторые моменты и по нѣкоторымъ вопросамъ боялись разойтись съ народной волей, а, напротивъ, хотѣли въ этихъ обстоятельствахъ имѣть за своей спиной весь народъ въ лицѣ его представителей.

Если это такъ, то мыслимо ли было, чтобы Царь разошелся съ земскимъ соборомъ? Царь обращается къ народному авторитету для подкрѣпленія своего, но, вѣдь, въ случаѣ неудачи, въ случаѣ разногласія съ соборомъ, онъ былъ бы еще болѣе ослабленъ. Пока народъ не зналъ опредѣленно своего мнѣнія, онъ подчинялся бы по инер-

ціи авторитету правительства. Но, когда этому авторитету съ очевидностью противопоставляется авторитетъ земли, признанный самимъ Царемъ—каково же могло быть положеніе правительства?

Очевидно, это представленіе о чисто совѣщательномъ значеніи земскихъ соборовъ не соотвѣтствуетъ исторической дѣйствительности. На чемъ опирается оно? Во-первыхъ, на отсутствіи какого-либо акта, которымъ за соборами признавался бы рѣшающій голосъ. Но развѣ въ то время можно было ожидать подобнаго акта? А гдѣ же актъ, признающій рѣшающій голосъ за вѣчемъ въ нашихъ народоправствахъ? А гдѣ въ настоящее время актъ, который бы признавалъ за англійскимъ парламентомъ такой рѣшающій голосъ? Во-вторыхъ говорятъ (проф. Загоскинъ), что земскіе соборы никогда не были для народа политическимъ правомъ, что въ основѣ этого явленія древне-русской земли лежалъ фактъ, а не право. Но что лежитъ вообще въ основѣ государственнаго строя? Не видимъ ли, какъ въ этой области право на каждомъ шагу выводится изъ факта? Въ Англіи, какъ извѣстно, дѣйствуетъ парламентаризмъ, т. е. тотъ принципъ, въ силу котораго министерство всегда выбирается изъ господствующаго въ парламентѣ большинства. Что это, фактъ или право? Юридически англійскій король и прусскій король поставлены одинаково, но одинъ призываетъ министровъ изъ большинства, а другой нѣтъ. Это только различіе въ практикѣ, т. е. фактическое, но оно даетъ основаніе говорить о различіи въ государственномъ строѣ. Гдѣ же записана парламентарная система? Исключительно въ умѣ и сердцѣ англичанъ.

И такъ же несомнѣнно, что сознаніе русскихъ людей XVI и особенно XVII вѣка было таково, что Царь не

можетъ разойтись съ волею всего народа, представленнаго на соборѣ. Это было ясно всѣмъ и безъ опредѣленія въ законѣ, каково значеніе соборнаго мнѣнія. Совершенно правильно замѣчаетъ проф. Платоновъ, что не время было заниматься правовой метафизикой, да и не было той вражды, которая всегда къ ней располагаетъ.

Но развѣ факты не подтверждаютъ этого предположенія? Во-первыхъ, мы имѣемъ рядъ соборовъ избирательныхъ, изъ которыхъ особенно выдается соборъ 1613 года. Можно ли говорить о совѣщательномъ значеніи такихъ соборовъ? Уже при Өеодорѣ Іоанновичѣ послы польскіе, возбудившіе вопросъ о вѣчномъ мирѣ, встрѣтили отвѣтъ, что такое дѣло нельзя рѣшить, не посовѣтовавшись со всею землею. На предложенія торговаго характера, сдѣланныя англійскимъ посломъ, Джономъ Мэрикомъ, Царь Михаилъ Өеодоровичъ отвѣчалъ, что такого дѣла рѣшить безъ совѣта всего государства нельзя ни по одной статьѣ. Соборъ 1613 года не только избираетъ Царя, но оповѣщаетъ о томъ грамотами всѣ города, дѣлаетъ распоряженіе о приводѣ населенія къ крестному цѣлованію новому Царю, сносится съ Польшею, опредѣляетъ условія обмѣна военноплѣнныхъ и очищенія пограничныхъ городовъ. Этотъ же земскій соборъ ведетъ дѣло искорененія разбоевъ, получаетъ донесенія воеводъ и самъ даетъ имъ предписанія, распоряжается военными силами государства. И это не только до пріѣзда въ Москву избраннаго Царя, но и послѣ этого момента. Царь уже на престолѣ, а земскій соборъ шлетъ Строгоновымъ приказъ внести въ казну слѣдуемые съ нихъ налоги, обращается къ Волжскому казачьему войску съ предписаніемъ не приставать къ Заруцкому и Маринѣ Мнишекъ съ ея сыномъ. На соборѣ 1634 года видимъ, что правительство даетъ отчетъ въ

исполненіи постановленій предшествующаго собора. Не согласуется съ совѣщательнымъ характеромъ дѣятельности соборовъ и формула ихъ рѣшеній: „указъ Царя и приговоръ всей земли“, или „приговоръ Царя и всякихъ чиновъ людей Московскаго государства“. Уложеніе 1649 года именуется „государевымъ и земскимъ дѣломъ“. Къ подлиннику этого законодательнаго акта, сохранившагося донынѣ, приложили руку всѣ члены собора, что̀ очень плохо согласуется съ совѣщательнымъ ихъ призваніемъ. Соборъ имѣлъ даже свою земскую печать, которая приложена, напримѣръ, къ грамотѣ Сигизмунду, посланной въ 1613 году.

Всѣ эти данныя побуждаютъ сказать, что земскіе соборы, особенно въ царствованіе Михаила Ѳеодоровича, не были только совѣщательнымъ учрежденіемъ, но составляли такой же элементъ государственной власти, какъ и Царь.

Если такъ, то какъ же объяснить, что соборы исчезли изъ русской государственной жизни? Почему во второй половинѣ XVII вѣка разорвалась связь между народомъ и Царемъ, не возобновлявшаяся до нашихъ дней?

А кто же оттѣснилъ народъ отъ Царя? Кто сталъ между ними?

Станемъ на точку зрѣнія судебнаго слѣдователя и спросимъ себя: а кому выгодно было совершить такое дѣйствіе? Очевидно,—тому, для кого близость Царя съ народомъ была помѣхою въ скрытіи злоупотребленій властью, въ преслѣдованіи корыстныхъ цѣлей. Развѣ въ своей рѣчи къ народу Іоаннъ IV не выдалъ головою народу окружавшихъ Царя бояръ, которые, прикрываясь его именемъ и пользуясь его властью, грабили и насильничали. На соборѣ 1619 года обнаруживается крайняя неравномѣрность въ

обложеніи: дозорщики, за взятки, подъ защитою связей плательщиковъ съ вліятельными лицами, такъ дѣлаютъ, что „инымъ тяжело, а другимъ легко“, отчего „всякимъ людямъ скорбь конечная“. На соборѣ 1642 года выборные жалуются: „А твои Государевы дьяки и подъячіе пожалованы твоимъ государскимъ денежнымъ жалованіемъ и помѣстьями и вотчинами, и обогатѣвъ многимъ богатствомъ неправеднымъ своимъ мздоимствомъ и покупили многія вотчины и домы свои состроили многіе, палаты каменныя такія, что неудобь сказаемыя“. А другіе такъ выражаются: „А мы, холопы твои, съ людьми своими и со всю своею службишкою на твою Государеву службу противъ твоихъ недруговъ готовы, гдѣ ты, Государь, укажешь. А раззорены мы, холопы твои, пуще Турскихъ и Крымскихъ бусурмановъ Московскою волокитою и отъ неправдъ и отъ неправедныхъ судовъ“.

Спрашивается, могли ли нравиться подобныя рѣчи тѣмъ, кто, стоя у престола, осуществляя, по порученію Царя, государственную власть, пользовался ею не для общаго блага, а для своей личной пользы. Этотъ свободный голосъ земли былъ назойливъ и докучливъ. Его надо было заставить замолчать. Этого нельзя было сдѣлать, пока государственный порядокъ былъ въ полномъ разстройствѣ. Но, когда земскіе соборы своимъ авторитетомъ укрѣпили этотъ порядокъ, обезпечили миръ внѣшній и внутренній, сила бюрократіи возросла. Она могла ссылаться передъ Царемъ на свои заслуги по успокоенію и доказывать безполезность, хлопотливость и дороговизну созыва земскихъ соборовъ. Борьба между тѣми, кто постоянно стоялъ у престола, и отдаленнымъ народомъ была неравна. Бюрократія добилась своего—голосъ свободно избранныхъ пред-

ставителей земли русской умолкъ—и все дѣло государственное осталось въ ея рукахъ.

Можетъ быть, это отстраненіе земскихъ соборовъ отъ соучастія въ государственномъ управленіи и есть доказательство ихъ ничтожества, отсутствія жизненныхъ задатковъ, наконецъ ихъ исключительно совѣщательной роли. Напомнимъ слова проф. Сергѣевича по поводу земскихъ соборовъ. „Только люди, преклоняющіеся передъ всякимъ совершившимся фактомъ будутъ искать вину смерти извѣстнаго учрежденія исключительно въ свойствахъ самого учрежденія: умерло—значитъ не носило условій жизненности. Мы не раздѣляемъ этого мнѣнія, которымъ можно оправдать всякую побѣду, какія бы силы и побужденія за ней ни скрывались. Если учрежденіе перестало существовать, то, конечно, были причины, которыя привели его къ смерти. Но отсюда еще не слѣдуетъ, чтобы онѣ лежали въ самомъ учрежденіи". Въ самомъ дѣлѣ, развѣ исторія не богата примѣрами, когда государи, въ родѣ короля Ганноверскаго Эрнста—Августа, нарушали данную ими самими конституцію, и ниспровергали ту, которой присягали? Слѣдуетъ помнить, что сила конституціи кроется въ народной психологіи. Не въ томъ сила, что конституція формулирована и записана, а въ томъ, насколько необходимость ея проникла въ сознаніе народа и насколько народъ готовъ отстаивать ея неприкосновенность.

Почему русское общество такъ легко примирилось съ отстраненіемъ его представителей отъ соучастія въ государственной дѣятельности? Послѣ тяжелаго смутнаго времени русское общество второй половины XVII столѣтія наслаждалось сравнительною обезпеченностью отъ внутреннихъ враговъ, воровъ и разбойниковъ. При разбросанности

населенія и трудности сообщеній нелегка была бы борьба противъ окрѣпшей государственной власти. Это нисколько не доказываетъ, что общество не видѣло злоупотребленій московской администраціи, не сознавало свои права нарушенными, не скорбѣло о порванной связи съ Царемъ. Сознаніе не сопровождалось такимъ настроеніемъ и такою организаціей, которыя способны были бы вызвать противодѣйствіе.

Замѣтимъ, что въ XVII вѣкѣ всюду замираетъ дѣятельность представительныхъ учрежденій. Въ 1614 году заканчиваютъ свою роль французкіе états généraux, въ Пруссіи земскіе чины призываются въ послѣдній разъ въ 1653 году, а въ Баваріи ихъ дѣятельность заканчивается въ 1669 году.

Таковы историческія основы того явленія, которое извѣстно русской старинѣ подъ именемъ земскаго собора и которое встаетъ нынѣ вновь передъ нашими глазами.

Что же вызвало снова къ жизни это, казалось, навсегда погребенное въ исторіи, учрежденіе?

* * *

Необходимость обращенія къ выборнымъ земли русской обусловливается тѣми тяжелыми обстоятельствами, въ какія поставлена нынѣ Россія, переживающая такое время, которое мало чѣмъ отличается отъ смутнаго времени, пережитого нашимъ государствомъ три столѣтія тому назадъ. Такой характеръ момента прямо указанъ въ Высочайшемъ манифестѣ 18 февраля.

Эти чрезвычайныя обстоятельства заключаются въ той тяжелой войнѣ, которая обрушилась на Россію и которая потребовала уже такой массы личныхъ и матеріальныхъ жертвъ. Съ этимъ связано крайнее напряженіе экономическихъ и финансовыхъ силъ страны. Не говоря о тѣхъ расхо-

дахъ, которые сопряжены съ настоящею войною, веденіе военныхъ дѣйствій должно было отразиться на сельско-хозяйственной, фабрично-заводской и торговой промышленности. Занятіе многихъ вагоновъ подъ военныя надобности придало нашей хронической болѣзни, хлѣбнымъ залежамъ, весьма острый характеръ. Отвлеченіе массы здоровыхъ и опытныхъ работниковъ уменьшило производительность промышленныхъ предпріятій. Подъ вліяніемъ военныхъ неудачъ въ заграничныхъ торговыхъ сферахъ создалась неувѣренность въ платежныхъ способностяхъ Россіи, а это повлекло за собою сокращеніе кредита русскимъ фирмамъ и возвышеніе цѣнъ на отпускаемые товары. Въ связи съ войной находится, несомнѣнно, и новый торговый трактатъ съ Германіей, угрожающій пасть всей своей тяжестью на русскихъ сельскихъ хозяевъ.

Съ войною совпала для Россіи тяжелая минута перехода къ новой формѣ государственной жизни, уже нѣсколько намѣченной Высочайшимъ указомъ 12 декабря и рескриптомъ 18 февраля. Тяжелые роды! Это преобразованіе явилось бы, конечно, и само собою, но роды были ускорены внѣшними событіями, повліявшими крайне возбуждающе на русское общество. Неожиданные роды подъ вліяніемъ сильнаго впечатлѣнія большею частью отражаются вредно на состоянія здоровія организма. А этого вреда нельзя не видѣть, когда въ родовомъ процессѣ приняли участіе даже еще неокрѣпшія частицы организма—дѣти.

Во всей странѣ съ страшною силою поднялось броженіе. Старая бюрократическая система, уже осужденная нынѣ съ высоты Престола, столкнулась съ общественнымъ движеніемъ. За покойнымъ министромъ фонъ-Плеве необходимо признать крупную историческую заслугу: ему удалось объединить все русское общество въ отрицательной

оцѣнкѣ бюрократическаго режима. Этотъ пріемъ въ логикѣ носитъ названіе reductio ad absurdum. Нуженъ былъ только толчекъ для обнаруженія подготовленнаго общественнаго сознанія. Такимъ толчкомъ явились: во первыхъ военныя неудачи и во вторыхъ выраженное его преемникомъ „довѣріе" обществу. Пробужденіе нравственнаго сознанія въ самыхъ широкихъ слояхъ общества, неожиданное обнаруженіе совершенно новыхъ общественныхъ силъ, заставили правительство признать въ русскомъ народѣ наличность зрѣлыхъ общественныхъ элементовъ, способныхъ содѣйствовать осуществленію возвѣщенныхъ преобразованій. Но пока это удостоилось авторитетнаго признанія, элементы эти бродили и произвели такое движеніе, которое едва ли способно скоро улечься. Кровавыя столкновенія народа съ полицейскою и военною силою, декабрьскіе дни въ Москвѣ, январскіе въ Петербургѣ, Варшавѣ, Ригѣ и другихъ городахъ, погромы еврейскіе и армянскіе, поднятіе темныхъ массъ съ цѣлью избіенія студентовъ и гимназистовъ, аграрное движеніе въ крестьянской средѣ—все это факты, которые ежедневно несутся къ намъ телеграммами, газетами, письмами, слухами, волнуютъ, взвинчиваютъ и не даютъ возможности спокойно работать ни на почвѣ матеріальнаго, ни умственнаго труда. Въ результатѣ грандіозныя забастовки рабочихъ, пріостанавливающія обычный ходъ нашей промышленности, подрывающія всякій вѣрный торговый разсчетъ. При отсутствіи правильнаго движенія пассажирскихъ и товарныхъ поѣздовъ разстраивается всякая коньюнктура, сокращаются запасы, закупки, кредитъ, производство. Страшное нравственное потрясеніе приводитъ къ перерывамъ земскихъ и думскихъ собраній, неспособныхъ, по заявленію членовъ ихъ, спокойно выполнять свои обязанности, къ невиданной еще никогда и нигдѣ пріоста-

новкѣ занятій во всѣхъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ страны.

Учесть теперь весь тотъ страшный вредъ, который несомнѣнно отразится на благосостояніи государства, нѣтъ никакой возможности.

Но весь этотъ вредъ можетъ быть легко покрытъ подъемомъ духа, который испытаетъ русское общество въ увѣренности, что оно идетъ нынѣ къ возвѣщенному въ принципѣ преобразованію государственнаго строя. При сильномъ духовномъ возбужденіи не страшны матеріальныя потери, которыя уже испытаны русскимъ обществомъ, и матеріальныя жертвы, которыя еще ожидаются отъ него.

Что же возвѣщено уже съ высоты Престола, что даетъ намъ основаніе разсчитывать на устраненіе всего того зла, которое мы, правильно или неправильно, связывали съ господствовавшею бюрократическою системою?

Въ рескриптѣ на имя министра внутреннихъ дѣлъ, Государь Императоръ повелѣлъ передать Его сердечную благодарность собраніямъ и обществамъ, которыя выразили свою готовность придти содѣйствовать успѣшному осуществленію возвѣщенныхъ преобразованій. То, что представлялось недозволеннымъ дѣйствіемъ, оказалось всецѣло отвѣчающимъ душевному желанію Государя Императора. Если до сихъ поръ все дѣло государственнаго управленія находилось въ рукахъ бюрократіи, то теперь Государь Императоръ предполагаетъ совмѣстною работою правительства и зрѣлыхъ силъ общественныхъ достигнуть осуществленія предначертаній, ко благу народа направленныхъ.

Теперь передъ русскимъ обществомъ встаетъ интересный вопросъ, въ какой же формѣ выразится эта совмѣстная работа, что̀ представляетъ собою привлеченіе къ законодательной работѣ достойнѣйшихъ, довѣріемъ народа

облеченныхъ, избранныхъ отъ населенія людей. Въ манифестѣ 18 февраля Государь Императоръ призываетъ всѣхъ благомыслящихъ людей соединиться въ дружномъ содѣйствіи Ему словомъ и дѣломъ, а въ Высочайшемъ указѣ Сенату того же дня всѣмъ подданнымъ, радѣющимъ о пользѣ общей и нуждахъ государственныхъ, облегчается возможность быть непосредственно выслушаннымъ со стороны Государя. Отнынѣ всякій, не только по любви къ родинѣ и людямъ, но и по долгу вѣрноподаннаго, обязанъ придти на помощь и подать свой голосъ по вопросу, который само правительство признаетъ въ высшей степени сложнымъ и труднымъ.

Первый вопросъ въ томъ, что̀ должно представлять собою по идеѣ участіе свободно избранныхъ представителей народа въ предварительной разработкѣ и обсужденіи законодательныхъ предположеній? Во-вторыхъ, на какихъ началахъ должно быть построено представительство, чтобы оно отвѣчало своему назначенію?

И такъ, какая же роль выпадаетъ на долю народныхъ представителей, согласно указанію рескрипта?

Можно ли думать, что выборные призываются для выраженія своего мнѣнія по какому нибудь чрезвычайному обстоятельству, напр. по вопросу о прекращеніи или продолженіи войны съ Японіей. Тогда созывъ выборныхъ походилъ бы на соборы 1566 или 1642 года. Высказавъ свое мнѣніе, какъ голосъ всей земли, выборные тѣмъ самымъ выполнятъ свое назначеніе. Но ничего подобнаго нельзя извлечь изъ рескрипта. Съ точки зрѣнія грамматическаго толкованія такая мысль соотвѣтствовала бы тексту рескрипта, если бы въ немъ было сказано: „Я вознамѣрился, съ Божьею помощью, нынѣ привлечь“., но въ текстѣ сказано: „Я вознамѣрился, съ Божьею помощью, отнынѣ при-

влекать“. И общій духъ рескрипта обнаруживаетъ, что имѣется въ виду постоянное участіе народныхъ представителей въ законодательной дѣятельности.

Но, можетъ быть, народные представители призываются, какъ свѣдущіе люди, способные дать совѣтъ по тѣмъ или другимъ мѣропріятіямъ, цѣлесообразность которыхъ они въ состояніи наилучше оцѣнить благодаря своимъ познаніямъ и опыту? Однако роль народныхъ представителей, какъ она рисуется по рескрипту, совершенно не соотвѣтствуетъ такому предположенію. Когда приглашаютъ свѣдущихъ лицъ, то указывается тотъ вопросъ, для рѣшенія котораго нужны ихъ спеціальныя знанія. Въ настоящее время, въ качествѣ свѣдущихъ людей, приглашаются, согласно Высочайше утвержденному 4 февраля положенію Комитета Министровъ, выборные отъ земствъ и городовъ для пересмотра земскаго и городового положеній. Совершенно ясно, что ихъ задача, исчерпывающаяся подачею совѣта по спеціальнымъ законодательнымъ вопросамъ, не совпадаетъ съ задачею народнаго представительства, очерченнаго въ рескриптѣ 18 февраля.

Приглашаются достойнѣйшіе, довѣріемъ народнымъ облеченные люди не для отдѣльнаго какого-либо дѣла, не какъ спеціалисты по извѣстному вопросу, а какъ выразители мнѣнія и настроенія народа, въ качествѣ постоянныхъ сотрудниковъ Государя. Они должны представлять всю землю, которая призывается стать у Престола для совмѣстной работы на благо народа. Если принять въ соображеніе, что въ рескриптѣ 18 февраля, какъ и въ указѣ 12 декабря, особенно подчеркивается незыблемость основныхъ законовъ, то можно придти къ заключенію, что народные представители съ такимъ назначеніемъ, въ качествѣ постояннаго органа, стоящаго у Престола, ближе всего подойдутъ

подъ земскій соборъ типа второго періода, т. е. подъ соборъ, какимъ онъ былъ въ царствованіе Михаила Θеодоровича. Создавая такое постоянное учрежденіе, правительство наше, кажется, имѣло въ виду твердо стоять на исторической почвѣ. Представительство не есть новизна, а возвращеніе къ старинѣ.

Такое преобразованіе русскаго государственнаго строя, повидимому, совершенно не соотвѣтствуетъ тому типу правового государства, который выработался на Западѣ.

Но, такъ ли это въ дѣйствительности? Представимъ себѣ картину будущаго. Рядомъ съ Самодержавнымъ Монархомъ стоятъ народные представители, избираемые на срокъ, на обсужденіе которыхъ будутъ отдаваться всѣ законодательные проекты. 1) Разсмотрѣнный и одобренный ими проектъ идетъ на утвержденіе Государя, отъ имени котораго, послѣ утвержденія, и обнародывается. Таковъ же порядокъ и въ конституціонныхъ монархіяхъ. „Мы, Божьею милостью, король, по соглашенію съ палатами, постановляемъ“....—развѣ это не „указъ Царя и приговоръ всей земли“? 2) Разсмотрѣнный, одобренный, но не утвержденный, проектъ останется безъ движенія. Но развѣ въ западныхъ конституціонныхъ монархіяхъ, гдѣ монарху присвоено право абсолютнаго veto, не то же самое?

Скажутъ, что на Западѣ законъ и не можетъ появиться иначе, какъ по принятіи его народными представителями, тогда какъ у насъ возможно, что законы будутъ издаваться помимо народныхъ представителей, въ старомъ бюрократическомъ порядкѣ. Но если законы будутъ издаваться помимо или вопреки мнѣнію народныхъ представителей, тогда само представительство излишне. Тогда это уже будетъ нарушеніе основныхъ началъ, провозглашенныхъ въ рескриптѣ 18 февраля, гдѣ предварительно обсужденіе законопроектовъ

должно быть дѣломъ народныхъ представителей. А развѣ подобныхъ нарушеній не было на Западѣ? Развѣ Бисмаркъ не собиралъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ налоги, не утвержденные представителями? Развѣ тотъ же Бисмаркъ въ 1863 году, вопреки § 27 прусской конституціи, запрещающаго введеніе цензуры, не установилъ, на время выборовъ, системы предостереженій и временнаго запрещенія изданій?

Однако, скажутъ, въ актахъ 12 декабря и 18 февраля усиленно обращается вниманіе на „сохраненіе незыблемости основныхъ законовъ Имперіи", а потому юридически ничто не измѣняется по сравненію съ существующимъ порядкомъ. Совершенно вѣрно, что такова идея Высочайшихъ актовъ 12 декабря и 18 февраля. И эта идея сохраненія историческихъ основъ власти, красною нитью проходящая черезъ оба акта, даетъ мнѣ основаніе думать, что правительство имѣетъ въ виду созывать земскіе соборы, которые, по господствующему представленію, не только не ограничивали, по напротивъ укрѣпили самодержавіе въ Россіи. „По священнымъ завѣтамъ Вѣнценосныхъ Предковъ Нашихъ, непрестанно помышляя о благѣ ввѣренной Намъ Богомъ Державы, Мы, при непремѣнномъ сохраненіи незыблемости основныхъ законовъ Имперіи, полагаемъ задачу правленія въ неусыпной заботливости о потребностяхъ страны, различая все дѣйствительно соотвѣтствующее интересамъ русскаго народа отъ нерѣдко ошибочныхъ и преходящими обстоятельствами навѣянныхъ стремленій. Когда же потребность той или другой перемѣны оказывается назрѣвшею, то къ совершенію ея Мы считаемъ необходимымъ приступить, хотя бы намѣченное преобразованіе вызывало внесеніе въ законодательство существенныхъ нововведеній" (указъ 12 декабря). „Преемственно продолжая Царственное

дѣло Вѣнценосныхъ Предковъ Моихъ—собираніе и устроеніе земли русской" говорится въ рескриптѣ 18 февраля. Эти выраженія невольно напоминаютъ хартію Людовика XVIII отъ 4 іюня 1814 года. Людовикъ, Божьею милостью король Франціи, возвѣщаетъ въ этомъ актѣ, что „конституціонная хартія требовалась современнымъ состояніемъ государства; Мы ее обѣщали и теперь обнародываемъ. Мы приняли во вниманіе, что хотя во Франціи вся полнота власти (l'autorité toute entiere) вполнѣ сосредоточивалась въ особѣ короля, наши предшественники не колебались вносить измѣненія въ осуществленіи ея (en modifier l'exercise), смотря по измѣняющимся обстоятельствамъ". Опираясь на историческія традиціи, Людовикъ XVIII заявляетъ, что „Мы замѣнили палатою депутатовъ былыя мартовскія и майскія собранія и собраніе генеральныхъ сословій".

Большая ошибка думать, что основные законы и законы гражданскіе, уголовные, финансовые—это нормы одного порядка. Одни—нормы морали, другіе нормы права. Государственная власть, источникъ юридическихъ нормъ, не можетъ сама быть подчинена юридическимъ нормамъ.

Сила основныхъ государственныхъ законовъ не въ юридической санкціи, не на бумагѣ, а въ народномъ сознаніи. Возьмемъ для доказательства ст. 41 основныхъ законовъ, которая гласитъ, что Императоръ Всероссійскій не можетъ исповѣдывать никакой иной вѣры, кромѣ православной, и сопоставимъ ее со ст. 188 уложенія о наказаніяхъ, которая угрожаетъ отступившему отъ православнаго въ иное христіанское вѣроученіе взятіемъ имѣнія его въ опеку. Развѣ это нормы одного рода? Сила ст. 41 основывается не на какихъ-либо юридическихъ послѣдствіяхъ, въ родѣ взятія имѣнія въ опеку или тюремнаго заключенія, а на вѣрѣ всего русскаго народа, что его Царь никогда не

отступитъ отъ православія. Напротивъ, наличность уголовной санкціи за отпаденіе отъ православія свидѣтельствуетъ, что общество не имѣетъ такой вѣры въ отношеніи другихъ лицъ, на которыхъ приходится дѣйствовать угрозой.

Измѣненіе основныхъ законовъ происходитъ не перомъ и не на бумагѣ, а перемѣщеніемъ центра нравственнаго сознанія. Разъ это перемѣщеніе состоялось, дальнѣйшая судьба строя зависитъ отъ силы общественнаго мнѣнія, безъ поддержки котораго она легко утрачивается. Упадокъ или поворотъ въ настроеніи влечетъ за собою политическую реакцію и паденіе писанной конституціи. Конституціонное положеніе, какъ и декларація правъ, оказываютъ, конечно, вліяніе на нравственное сознаніе общества, но это далеко не единственные факторы, возбуждающіе и поддерживающіе общественное мнѣніе.

Это обстоятельство, что основные государственные законы не юридическія нормы, а этическія, поддерживаемыя не юридическими средствами, а силою общественнаго мнѣнія, необходимо имѣть въ виду при реформахъ государственнаго строя. Упорное нежеланіе правительства измѣнить строй, примѣнительно къ ясно обнаруженному общественному сознанію, влечетъ за собою, не смотря на самыя суровыя репрессіи, только усиленіе пассивной и активной оппозиціи, при которой сама дѣятельность правительства становится затруднительной. Если даже принять формулу славянофиловъ: „правительству—сила власти, землѣ—сила сила мнѣнія“, то слѣдуетъ имѣть въ виду, что власть почерпаетъ силу только въ мнѣніи народа. Съ другой стороны радикальная реформа, не опирающаяся на общественное сознаніе значительнаго и вліятельнаго элемента, всегда останется висящею въ воздухѣ, хотя бы и попала на бумагу. Политическій строй Англіи тѣмъ и про-

ченъ, что требованія общества отличаются умѣренностью, а реформы правительства — своевременностью. Напротивъ, на континентѣ, гдѣ прогрессивное движеніе опиралось нерѣдко на одно лишь увлеченіе, а не на сознаніе значительной части общества,—за стремительнымъ толчкомъ впередъ слѣдовала вскорѣ реакція.

Важно, чтобы народные представители стали лицомъ къ лицу съ Монархомъ, а дальнѣйшее есть дѣло фактическаго соотношенія общественныхъ силъ. Совѣщательный или рѣшающій голосъ будетъ признанъ на бумагѣ за народными представителями—это не такъ существенно. Если въ народныхъ представителяхъ сосредоточивается авторитетъ всей земли, голосъ которой они слышатъ за собой,—разлада между правительствомъ и представителями не будетъ. Если же этого авторитета нѣтъ,—не поможетъ и писанная конституція...

Могутъ сказать однако, что въ рукахъ Монарха вся военная сила. Но надо имѣть въ виду, что въ Германіи войска присягаютъ только монарху, а это однако не мѣшаетъ признавать государственное устройство этой страны конституціоннымъ.

Такимъ образомъ, предстоящая реформа, опираясь на историческую основу, въ то же время приближаетъ нашъ государственный строй къ западноевропейскому.

Здѣсь не лишне напомнить о проектѣ преобразованій Россіи, принадлежавшемъ Сперанскому. Государственная Дума—таково характерное названіе, даваемое имъ законодательному собранію. Она должна была составиться изъ депутатовъ отъ всѣхъ свободныхъ классовъ, выбираемыхъ въ губернскихъ собраніяхъ. По плану Сперанскаго законодательная власть должна была имѣть четыре степени: думы волостную, уѣздную, губернскую и государственную съ со-

отвѣтствующими исполнительными и судебными органами. Прямые выборы производятся только въ волостную думу, а уже она выбирала депутатовъ для уѣздной, послѣдняя для губернской, губернская для государственной. Законодательная инициатива предоставлена исключительно правительству. Проекты законодательные, принятые въ Думѣ по обсужденіи, могутъ получить силу законовъ лишь по Высочайшемъ утвержденіи. Министры отвѣтственны передъ Думою въ томъ отношеніи, что въ случаѣ явнаго нарушенія конституціи Дума вправѣ требовать отчета у министровъ и дѣлать по этому поводу представленія Престолу. Дума собирается ежегодно, въ опредѣленный срокъ, безъ всякаго особаго призыва. Таковъ былъ проектъ Сперанскаго, выработанный сто лѣтъ тому назадъ и предполагавшій обновить весь государственный строй Россіи.

* *
*

Мы разсмотрѣли идею, которая лежитъ въ основѣ дѣятельности народныхъ представителей, призываемыхъ нынѣ Высочайшей волей къ содѣйствію законодательной власти. Обратимся теперь ко второму вопросу—на какихъ началахъ должно быть построено народное представительство, чтобы оно выразило собою по идеѣ мысль и волю всей земли русской.

Можетъ быть, въ основу представительства слѣдовало бы положить сословное начало? Защитники этого начала имѣются въ настоящее время. „Никто не понимаетъ и не знаетъ современной Россіи другой, какъ рѣзко раздѣленной на сословія, причемъ сословія эти не только рѣзко разграничены между собою по внѣшнимъ условіямъ своей жизни, по состоянію, воспитанію, дѣятельности лицъ, ихъ составляющихъ, но, что всего важнѣе, глубоко разнятся другъ отъ друга внутренно“. Такъ говоритъ на страницахъ „Но-

ваго Времени“ графъ Л. Л. Толстой. Трудно высказать мысль, болѣе противорѣчащую дѣйствительности, чѣмъ это сдѣлалъ сынъ знаменитаго писателя. Что такое сословіе? Подъ этимъ именемъ понимается группа лицъ, наслѣдственно пользующихся извѣстными привиллегіями, напр. исключительнымъ правомъ пріобрѣтать имѣнія или производить торговлю. Сословность не имѣетъ глубокихъ корней въ русской исторіи. Домосковская Русь не знала сословій, а только классы. Въ Московскомъ государствѣ подданные различались не по правамъ, какъ это слѣдовало бы при сословномъ строѣ, а по обязанностямъ, по тягламъ. Сословность внесена была въ русскую жизнь въ XVIII вѣкѣ такъ же искуственно, какъ напр. цехи. Реформы Императора Александра II въ корнѣ подорвали все сословное строеніе и никакія подпорки не въ состояніи удержать паденія того, что́ не имѣетъ реальныхъ устоевъ. Русское общество—одно изъ самыхъ демократическихъ въ Европѣ. Лучшая часть русскаго дворянства растворилась въ земщинѣ со времени реформы 1864 года. Интеллигенція русская насквозь пропитана народническими тенденціями. Яркимъ выразителемъ этого направленія служатъ новѣйшая изящная литература и живопись. Поэтому никогда въ Россіи не можетъ быть верхней палаты на подобіе той, какая имѣется въ Англіи или Венгріи, т. е. основанной на вліятельной аристократіи. У насъ верхняя палата можетъ быть образована только на подобіе италіанской, основанной на назначеніи отъ короля, т. е. на чисто чиновничьемъ началѣ.

Дѣйствующее законодательство наше знаетъ четыре сословія: 1) дворянство, 2) духовенство, 3) городскіе обыватели и 4) сельскіе обыватели. Но что такое городскіе обыватели? Законъ включаетъ въ эту группу: a) почетныхъ гражданъ, b) купцовъ, c) мѣщанъ, d) ремесленниковъ. Кто признаетъ

въ этомъ пестромъ соединеніи настоящее сословіе, настолько сплоченное, чтобы оно могло имѣть представителей его сословныхъ интересовъ? Что это за сословіе купечество, принадлежность къ которому зависитъ отъ своевременнаго взноса гильдейскихъ пошлинъ? Очевидно городскіе обыватели,—это не сословіе, и не общественный классъ даже, а только звукъ пустой. А развѣ духовные въ настоящее время сословіе? Это призваніе, какъ и призваніе врача, литератора, адвоката, такъ какъ никакой наслѣдственности въ правахъ нѣтъ. Остаются дворяне и крестьяне. Изъ дворянъ слѣдуетъ исключить за отсутствіемъ признака наслѣдственности—личныхъ дворянъ. Потомственные дворяне дѣйствительно пользуются наслѣдственно привиллегіями, но послѣднія такъ ничтожны, особенно въ грандіозной перспективѣ общественныхъ правъ, поставленныхъ нынѣ на очередь, что на этой почвѣ сами дворяне не пожелали бы остаться изолированными. Если сословность опредѣляется наслѣдственностью въ правахъ, то что̀ за странное сословіе крестьяне, которые наслѣдственно отличаются отъ другихъ однѣми повинностями! Единственное исключительное право, которымъ они пользовались, это право подвергаться тѣлесному наказанію, но и эта привиллегія по Манифесту 11 августа отнята у нихъ. Притомъ въ послѣднее время крестьяне выдѣлили изъ себя значительный по численности и вліянію классъ—рабочій, который при сословномъ представительствѣ остался бы безъ голоса. Вотъ каковъ сословный складъ нашего общества. Возможно ли на этомъ началѣ основать представительство въ предстоящемъ земскомъ соборѣ? Развѣ оно можетъ выразить всю землю и имѣть тотъ авторитетъ, который одинъ только и способенъ умиротворить страну? А сколько техническихъ трудностей возникло бы при организаціи выборовъ по сословіямъ, когда

многіе сами не могутъ сказать, къ какому сословію они принадлежатъ, когда само начальство оказывается часто въ большомъ затрудненіи, обозначая въ паспортахъ положеніе лицъ такими ничего незначащими выраженіями, какъ дочь чиновника, сынъ губернскаго секретаря, купеческій братъ.

Въ русскомъ обществѣ обнаруживается только одно внутреннее различіе—это по образованію, и только одно внѣшнее отличіе—по интересамъ. Можетъ быть, возможно было бы построить народное представительство на началѣ классоваго различія, призвать представителей отъ общественныхъ классовъ и въ пропорціи съ численностью каждаго изъ нихъ? Но въ основѣ классоваго представительства лежитъ ложная идея. Съ точки зрѣнія современной, народное представительство основывается не на довѣренности отъ какой либо общественной группы, связанной общностью интересовъ, напр. землевладѣльцевъ, торговцевъ, не на правѣ ея имѣть выразителей ея спеціальныхъ интересовъ, а на мнѣніи избирателей, кто тѣ лучшіе люди страны, которымъ должна быть вручена законодательная власть. Такое мнѣніе долженъ имѣть каждый, независимо отъ принадлежности его къ какой либо общественной группѣ, независимо отъ тѣхъ интересовъ, которые ему наиболѣе близки.

Если такъ, если нельзя уловить различія по группамъ, то надо обратиться къ такому способу, чтобы весь народъ, какъ совокупность лицъ, могъ подать свой голосъ за тѣхъ, кого онъ желаетъ видѣть у законодательнаго механизма. Не прибѣгнуть-ли сейчасъ же къ всеобщему избирательному праву? Эта мысль, какъ мы знаемъ, имѣетъ широкое распространеніе.

Всеобщее избирательное право—это идея, которая послѣ февральской революціи 1848 года, стала настойчиво

проникать въ сознаніе всего европейскаго общества взамѣнъ прежней буржуазной теоріи, строившей представительство на высокомъ имущественномъ цензѣ. Россія, какъ мы видѣли, страна вполнѣ демократическая, поэтому въ ней не найдетъ успѣха избирательная система, основанная на наслѣдственныхъ привиллегіяхъ. Но Россія также страна, въ которой буржуазные принципы встрѣтили такой отпоръ, какъ нигдѣ. Въ несочувствіи буржуазности сходится литература всѣхъ оттѣнковъ. Поэтому въ Россіи имущественный цензъ, какъ начало избирательной системы, не возбудитъ симпатіи. Будущее у насъ принадлежитъ, конечно, всеобщему избирательному праву. Эта система отличается отъ другихъ двумя преимуществами: она проста и справедлива. Никакая иная система, кромѣ системы всеобщей, прямой и тайной подачи голосовъ не удовлетворитъ общественнаго сознанія въ Россіи.

* * *

Но, если это начало должно быть политическимъ идеаломъ, къ скорѣйшему осуществленію котораго необходимо стремиться всѣми силами убѣжденія, то другой вопросъ, цѣлесообразно-ли настаивать, чтобы предстоящій ближайшій выборъ народныхъ представителей былъ основанъ на этомъ началѣ? Противъ такого требованія сами собою напрашиваются не малочисленныя возраженія.

Всѣ согласны, что умиротворить страну въ настоящее время можетъ только собраніе народныхъ представителей, что умиротворенія этого жаждетъ страна и что откладывать ихъ созыва никакъ нельзя. А между тѣмъ настаиваніе на всеобщемъ избирательномъ правѣ сопряжено непремѣнно съ значительною отсрочкою созыва народныхъ представителей. Не сознавать этого могутъ только тѣ, кто недоста-

точно ознакомленъ съ принципіальною и техническою стороною этого порядка избиранія.

Съ принципіальной стороны при всеобщемъ избирательномъ правѣ все же остаются спорными многіе вопросы. Напр. распространяется-ли это право и на женщинъ? Съ моей точки зрѣнія нѣтъ никакого основанія дѣлать въ этомъ отношеніи различіе между мужчинами и женщинами. Но необходимо считаться съ тѣмъ, что этотъ вопросъ можетъ возбудить не мало разногласій, какъ это и показало отношеніе къ этому вопросу со стороны петербургскихъ рабочихъ. И это станетъ понятно, если принять во вниманіе, что принадлежность къ мужескому полу составляетъ общее условіе избирательнаго права почти всѣхъ странъ. Исключенія можно указать развѣ въ Новой Зеландіи или штатѣ Колорадо. Не менѣе спорнымъ съ принципіальной стороны является вопросъ о допущеніи къ избранію лицъ, состоящихъ на государственной службѣ. Такъ Франція не допускаетъ многихъ чиновниковъ къ избранію, а Германія уравниваетъ ихъ съ прочими гражданами. Но и Франція и Германія вполнѣ согласно устраняютъ отъ избирательной агитаціи лицъ, состоящихъ на военной службѣ, въ виду несовмѣстимости подачи голоса съ требованіями военной дисциплины, въ силу французскаго принципа: aucune force armée ne peut délibérer. Только Наполеонъ III настаивалъ на привлеченіи военныхъ къ выборамъ, и понятно, что́ скрывалось подъ его мнимымъ либерализмомъ. Могутъ ли пользоваться избирательнымъ правомъ чины полиціи, которая обязана поддерживать порядокъ на выборахъ, когда общее настроеніе дѣлается особенно возбужденнымъ? Совмѣстимо-ли участіе въ избирательной борьбѣ съ званіемъ духовнаго пастыря? Далѣе, нуженъ-ли образовательный цензъ, по крайней мѣрѣ минимальный, въ видѣ грамотности для того,

чтобы избиратель могъ самъ подать свой голосъ безъ посредниковъ, способныхъ не только повлiять, но и исказить безнаказанно его мнѣнiе? Въ новѣйшее время усиленно выдвигается начало пропорцiональнаго представительства, которымъ имѣютъ въ виду исправить несправедливость подавленiя на выборахъ меньшинства большинствомъ и которое должно обезпечить среди народныхъ представителей нѣкоторое число мѣстъ въ пользу партiй, остающихся въ меньшинствѣ.

Я указалъ, въ видѣ примѣра, на нѣкоторыя принципiальныя сомнѣнiя, возникающiя при дарованiи всеобщаго избирательнаго права. Ихъ нужно разрѣшить прежде, чѣмъ приступать къ выборамъ по этой системѣ. Кто и когда будетъ ихъ разрѣшать? Нельзя же думать, что однимъ взмахомъ департаментскаго пера возможно разсѣчь то, что на Западѣ составляетъ предметъ оживленныхъ споровъ.

Не менѣе затрудненiй возбуждаетъ всеобщее избирательное право въ его осуществленiи и съ технической стороны. Слѣдуетъ имѣть въ виду, что та или иная организацiя выборовъ оказываетъ большое влiянiе на исходъ избирательной борьбы. Западноевропейская практика не можетъ похвалиться, что она нашла такой порядокъ, который обезпечивалъ бы безпристрастiе выборовъ, устраненiе влiянiя правительства и сильныхъ классовъ на результатъ выборовъ. И чѣмъ шире распространено избирательное право, тѣмъ больше опасность посторонняго воздѣйствiя на избирателей, воздѣйствiя не силою убѣжденiя, что вполнѣ законно, а силою административнаго давленiя, подкупомъ. Въ Англiи, послѣ реформы 1832 года, направленной къ сокращенiю преимуществъ поземельной аристократiи, обнаружилось усиленiе подкуповъ въ интересѣ промышленнаго класса. Не даромъ Наполеонъ III стоялъ за возможно большее расшире-

ніе избирательнаго права: при введенномъ имъ порядкѣ выборовъ, результатъ былъ для него обезпеченъ.

Укажемъ на нѣкоторые техническіе вопросы. Должна ли вся страна представлять одинъ избирательный округъ, такъ что избиратель можетъ подавать голосъ за любого русскаго гражданина, гдѣ бы избираемый не жилъ, или же страна должна быть раздѣлена на избирательные округи, въ которомъ избиратели будутъ выбирать только тѣхъ, кто имѣетъ въ этомъ округѣ осѣдлость? Слѣдуетъ ли составить столько избирательныхъ округовъ, сколько требуется народныхъ представителей, такъ чтобы въ каждомъ округѣ могло быть выбрано только одно лицо, или къ избирательному округу должно быть пріурочено нѣсколько депутатскихъ кандидатуръ? Предоставить ли каждому избирателю въ своемъ округѣ право подавать голосъ за одного только кандитата, или за всѣхъ, или за нѣкоторыхъ, какъ это дѣлается иногда для обезпеченія интересовъ меньшинства. Такъ, напримѣръ, въ Испаніи въ округѣ, гдѣ полагается избрать 5 представителей, каждый избиратель вправѣ подавать голосъ лишь за 3. Большія трудности въ такой многомилліонной странѣ, какъ Россія, представитъ изготовленіе избирательныхъ списковъ. Кто будетъ завѣдывать этимъ щекотливымъ дѣломъ? А гдѣ органы, которые будутъ провѣрять и исправлять эти списки по жалобѣ лицъ, признающихъ себя неправильно исключенными? Кто и гдѣ будетъ принимать избирательныя карточки? Кому будетъ порученъ подсчетъ голосовъ? Всѣ эти и нѣкоторыя другія техническія условія выборовъ имѣютъ огромное значеніе для результата выборовъ и потому должны быть строго взвѣшены.

Вотъ сколько трудностей предстоитъ преодолѣть прежде, чѣмъ примѣнить всеобщее избирательное право. Настаивать на немедленномъ его осуществленіи въ первомъ же

собранiи народныхъ представителей могутъ только тѣ, кто вообще желалъ бы затянуть на неопредѣленное время созывъ представителей на основанiи рескрипта 18 февраля.

Противъ немедленнаго введенiя всеобщаго избирательнаго права можно еще выставить доводы, вытекающiе изъ особенностей ближайшаго прошлаго Россiи. Всеобщее избирательное право означаетъ включенiе въ избирательную борьбу всей крестьянской массы. Возможно ли это сдѣлать сейчасъ безъ опасности для исхода выборовъ? Едва ли. Нужно же принять во вниманiе, что долгое время не вносился свѣтъ въ эту среду, что крестьяне не прiобщались къ интересамъ и мiровоззрѣнiю другихъ классовъ. Нужно принять во вниманiе и ту угнетенность, которая несомнѣнно составляетъ черту русскаго крестьянина, созданную режимомъ, построеннымъ на знаменитой ст. 61. Можно ли ожидать, чтобы теперь же, до реформы административнаго и судебнаго строя въ деревнѣ, крестьяне, лишенные личной обезпеченности и оторванные отъ культурнаго общества, могли дать сознательный и свободно выраженный голосъ! Они не могутъ участвовать въ *прямой* подачѣ голосовъ, потому что они совершенно не знаютъ ни именъ общественныхъ дѣятелей, ни ихъ политическихъ программъ. При сплошной безграмотности крестьянъ подача съ ихъ стороны голоса не будетъ *тайной*. Настаивая на *всеобщности*, надо быть увѣреннымъ, что крестьяне допустятъ къ голосованiю „бабъ“ и не домохозяевъ.

Выборы, произведенные на основанiи всеобщей, прямой и тайной подачи голосовъ, въ состоянiи ли отразить мнѣнiе крестьянства? Вѣдь крестьянъ будутъ спрашивать на выборахъ не о томъ, *чего* они хотятъ, а о томъ, *кого* они хотятъ имѣть защитниками своихъ интересовъ. Если бы крестьяне подавали голосъ о своихъ нуждахъ—они

были бы вполнѣ компетентны. Это они, конечно, хорошо понимаютъ. Но когда имъ ставятъ вопросъ, кого они намѣчаютъ въ члены Собора, кого изъ русскихъ людей признаютъ они наиболѣе пригоднымъ рѣшать вопросъ объ удовлетвореніи нуждъ народныхъ—крестьяне не въ состояніи дать свободнаго и сознательнаго отвѣта. Причина—въ отчужденности крестьянъ отъ культурныхъ классовъ и незнаніи именъ видныхъ общественныхъ дѣятелей. Не даромъ же радовались мы указу 12 декабря, возвѣщавшему идею объединенія крестьянъ съ остальнымъ населеніемъ на началѣ полноправныхъ свободныхъ сельскихъ обывателей, и не даромъ огорчались циркуляромъ министра внутреннихъ дѣлъ отъ 31 декабря, которымъ указу придавалось толкованіе, подрывавшее наши надежды на сплоченіе всего русскаго народа. Поэтому мнѣніе крестьянъ, при системѣ всеобщаго избирательнаго права, будетъ не *высказанное*, а *подсказанное*. Они будутъ выбирать тѣхъ, кого имъ укажутъ.

А кто будетъ суфлеромъ? При свободной агитаціи подсказываніе производится различными партіями, которыя будутъ распространять свои прокламаціи и посылать агитаторовъ. Сегодня крестьянинъ выслушалъ въ церкви манифестъ 18 февраля, проповѣдь священника о необходимости остерегаться и не слушать вредныхъ людей, наставленія и внушенія земкаго начальника и урядника ловить и представлять по начальству „смутьяновъ, которые ежели ходятъ по деревнямъ“. Это сегодня,—а завтра? Тѣ же крестьяне, помолившись Богу и выслушавъ слово того же батюшки о необходимости отнестись серьезно къ выборамъ, выйдутъ на площадь базарную и будутъ слушать агитаторовъ отъ консерваторовъ, умѣренныхъ либераловъ и (horribile-dictu) соціалъ-демократовъ, тотъ же урядникъ, съ невозмутимостью англійскаго полисмэна будетъ слушать рѣчи къ

избирателямъ о непригодности современной формы правленія, о необходимости аграрныхъ и прочихъ соціальныхъ реформъ, а земскій начальникъ съ добродушнымъ видомъ будетъ гдѣ-нибудь вблизи взирать на все происходящее. Чистая идиллія! Но не далеко ли идетъ самообманъ? Думать, что выборы завтра дадутъ сознательное мнѣніе крестьянской массы, значитъ вовсе не считаться съ народною психикою, выработывавшеюся въ теченіе многихъ лѣтъ. Неужели трудно заранѣе предугадать, кто будетъ тѣмъ суфлеромъ, подъ авторитетное указаніе котораго крестьяне разыграютъ роль голоса земли?

Если сейчасъ невозможно получить свободное, сознательное мнѣніе крестьянъ о желательномъ составѣ земскаго собора, то лучше оставить ихъ совершенно въ сторонѣ и не подрывать въ нихъ довѣрія къ предстоящему дѣлу.

Другое дѣло рабочіе. Это классъ, который пришелъ въ соприкосновеніе съ культурными слоями, читаетъ газеты и знаетъ имена. Ихъ выборы могутъ быть сознательны и свободны. При сплоченности и организованности они могутъ оказать большое вліяніе на выборы. Но какъ выдѣлить рабочихъ изъ остального населенія и устроить ихъ выборы? Кромѣ нѣсколькихъ фабрично-заводскихъ округовъ, рабочій людъ разбросанъ по всей Россіи. При всеобщемъ избрательномъ правѣ рабочіе распредѣлятся по избирательнымъ округамъ. Если же всеобщее избирательное право сейчасъ неосуществимо, то и рабочихъ нельзя привлечь къ выборамъ. Иначе пришлось бы однихъ допустить, а другихъ отстранить отъ выборовъ.

Въ виду этихъ соображеній всеобщее избирательное право, на основаніи прямой и тайной подачи голосовъ, можетъ быть и теперь возвѣщено, но осуществленіе его должно быть отложено временно, пока въ недовѣрчивой

душѣ крестьянина не укрѣпится увѣренность въ измѣненіи административнаго отношенія къ нему, пока онъ не исполнится сознаніемъ уваженія къ своей личности, пока не пріобщится, хотя нѣсколько, къ общей культурѣ. Наивно думать, что достаточно было бы циркуляра министра къ чинамъ администраціи, чтобы достичь дѣйствительной свободы выборовъ. Только народные представители съумѣли бы создать порядокъ выборовъ, обезпечивающій каждому, самому забитому гражданину, возможность свободнаго и сознательнаго выбора.

На какихъ же началахъ должны быть построены выборы на первый земскій соборъ? Слѣдуетъ имѣть въ виду главнымъ образомъ его неотложность. Взгляды русскаго общества настолько обрисовались въ настоящее время въ различныхъ резолюціяхъ и обращеніяхъ къ правительству, что дѣло земскаго собора можно свободно вручить тѣмъ готовымъ общественнымъ организаціямъ, которыя способны дать немедленно выборныхъ представителей безъ всякихъ затрудненій съ технической стороны и безъ значительной опасности для сущности дѣла. Я имѣю въ виду губернскія земскія собранія и городскія думы. Конечно, уже въ той организаціи, которая была придана имъ положеніями 1864 и 1870 годовъ, земства и городскія думы являлись довольно односторонними выразителями интересовъ сельскаго и городского населенія. Еще болѣе удалились они отъ идеала вслѣдствіе реформы 1890 и 1892 годовъ. Но огромное преимущество ихъ въ томъ, что они могутъ тотчасъ, весною же, выслать своихъ представителей—а это главное, когда нельзя ждать съ представительствомъ. Въ пользу организаціи перваго земскаго собора на представительствѣ отъ земствъ и большихъ городовъ говорятъ слѣдующіе доводы.

1) Это единственная организація, которая можетъ дать немедленно представителей. Конечно, я имѣю въ виду, что представители будутъ взяты не изъ среды нынѣшняго состава земцевъ и думцевъ, но будутъ произведены спеціальные выборы для земскаго собора. Разъ ставится новая задача—должны быть и новые выборы. При выборѣ избиратели могутъ руководствоваться различными качествами избираемаго, хозяйственностью, безпристрастіемъ, работоспособностью, широкимъ кругозоромъ и т. п., смотря по тому, которое изъ этихъ качествъ соотвѣтствуетъ той роли, какая предназначается избираемому. Избирательные списки готовы, избирательная техника знакома—выборы могутъ быть произведены очень быстро. Думаю, что по аналогіи съ ст. 116 зем. полож. и город. полож., допускающихъ избраніе на должности не только гласныхъ, но и другихъ лицъ, земскимъ собраніямъ и городскимъ думамъ можно было бы предоставить право выбирать на земскій соборъ и постороннихъ лицъ.

2) Выборы земскіе и городскіе одни только теперь даютъ гарантію свободы, обезпечиваютъ отъ административнаго давленія.

3) Въ земствѣ, благодаря его 40-лѣтней борьбѣ за существованіе, создалась школа общественныхъ дѣятелей, какихъ пока нѣтъ въ другихъ сферахъ.

4) Взгляды земствъ и городовъ проявились съ достаточною наглядностью въ ихъ адресахъ, такъ что нельзя опасаться, чтобы эти представители въ настоящій моментъ разошлись съ общественнымъ сознаніемъ.

5) Гласность преній народныхъ представителей и свобода печати могутъ служить достаточнымъ контролемъ надъ ихъ дѣятельностью.

Что касается неземскихъ губерній и окраинъ, то я полагаю, онѣ предпочли бы видѣть сейчасъ у законодательнаго аппарата 500—600 земцевъ и думцевъ, чѣмъ оставаться въ томительномъ ожиданіи чего-то благодѣтельнаго, а, можетъ быть, и страшнаго.

Такимъ образомъ я различаю основы, на которыхъ должно быть построено въ будущемъ народное представительство въ Россіи (Государственная Дума), и основы, на которыхъ должно быть организовано представительство перваго созыва представителей, которому я даю наименованіе Земскаго Собора (Vorparlament).

Почему же я дѣлаю исключеніе для перваго собранія народныхъ представителей?

Потому что организація выборовъ въ Государственную Думу не можетъ быть проведена немедленно на началахъ всеобщей, прямой и тайной подачи голосовъ безъ серьезной опасности для результата. Безъ обезпеченія свободы печати, слова, собраній, передвиженія, личной неприкосновенности, безъ тщательной подготовки всей избирательной техники (раздѣленіе на избирательные округи, составленіе избирательныхъ списковъ, назначеніе органовъ, принимающихъ и сортирующихъ карточки), безъ продолжительной предвыборной агитаціи (рѣчи, листки, газеты)— я не признаю, чтобы выборы выразили дѣйствительное мнѣніе народа.

Кто же создастъ всѣ эти предварительныя, безусловно необходимыя гарантіи выборовъ? Можетъ быть, сторонники всеобщаго избирательнаго права возлагаютъ свои надежды на комиссію подъ предсѣдательствомъ г. Булыгина? Конечно, вѣрить никому не воспрещается.... Въ какой безвыходный кругъ однако попадаютъ они, настаивая на всеобщемъ избирательномъ правѣ для перваго земскаго собора и въ то же

время требуя, какъ необходимое условіе, предварительнаго признанія свободы печати, слова, передвиженія, собраній, союзовъ, личной неприкосновенности? Мы желаемъ народнаго представительства, потому что считаемъ нынѣшній бюрократическій режимъ неспособнымъ произвести тѣ освободительныя реформы, которыя съ неумолимою настойчивостью поставлены переживаемымъ нынѣ историческимъ моментомъ. И въ то же время мы ожидаемъ отъ той же бюрократіи цѣлаго ряда освободительныхъ законовъ, составленіе которыхъ, особенно закона о личной неприкосновенности, дѣло далеко не легкое. Если бюрократія способна, по нашему мнѣнію, провести эти законы, сама, безъ народныхъ представителей, то, можетъ быть, она вовсе не такъ уже неспособна управлять государственнымъ кораблемъ и, можетъ быть, можно и въ дальнѣйшемъ обойтись безъ народнаго представительства?...

Такимъ образомъ, отстаивающіе необходимость организаціи выборовъ на началахъ всеобщей, прямой и тайной подачи голосовъ не допускаютъ возможности приступать къ выборамъ, пока бюрократія не издастъ законовъ, обезпечивающихъ эти выборы: они вѣрятъ, что эта бюрократія создастъ такой избирательный порядокъ, при которомъ выборы пройдутъ свободно, безъ административнаго давленія; они открываютъ большой кредитъ той самой бюрократіи, довѣріе къ которой въ глазахъ общества такъ усердно подрывалось, и не вѣрятъ земцамъ, довѣріе къ которымъ такъ тщательно поддерживалось противъ посягательствъ со стороны бюрократіи. Можетъ быть, они надѣются на привлеченіе въ комиссію земскихъ и городскихъ дѣятелей? Но я желалъ бы видѣть этихъ лицъ одних, въ составѣ и съ авторитетомъ земскаго собора, а не купно съ представителями отъ разныхъ вѣдомствъ, засѣдаю-

щими въ канцеляріи г. министра. Особое совѣщаніе—учрежденіе чисто бюрократическое и сохранитъ всегда этотъ отпечатокъ, при участіи любого числа представителей.

Вотъ почему я стою за составленіе земскаго собора или перваго созыва народныхъ представителей при помощи существующихъ уже организацій,—народные представители уже готовы, и каковы бы они ни были, они, и они одни, способны пустить въ ходъ остановившуюся государственную машину. Это при ихъ живомъ содѣйствіи издастъ Царь отъ своего имени законы, составляющіе необходимое условіе общественной жизни и дѣятельности. Это они выработаютъ основы представительства въ Государственную Думу и подготовятъ всю сложную техническую сторону выборовъ.

Съ этой точки зрѣнія я противъ всякихъ дополненій въ родѣ тѣхъ, какія предлагаетъ, напр., проф. Кузьминъ-Караваевъ. Всѣ эти коррективы крайне условны, спорны и, главное, требуютъ времени для проведенія ихъ въ жизнь. А главное соображеніе, побуждающее меня стоять за существующія организаціи, это 1) то, что время не терпитъ и 2) что необходимо отнять ссылку на сложность задачи.

Представители отъ земствъ и городовъ, по моему предположенію, могли бы быть призваны нынѣ же, весною 1905 года. На нихъ легли бы слѣдующія задачи: 1) ликвидація враждебныхъ отношеній къ Японіи; 2) провозглашеніе въ принципѣ всеобщаго избирательнаго права, вступающаго въ дѣйствіе 1 января 1910 года; 3) проведеніе освободительныхъ законовъ (свобода слова и печати, свобода собраній и союзовъ, свобода передвиженія, свобода личности и жилища, устраненіе всякихъ ограниченій въ правахъ по національному или вѣроисповѣдному началу); 4) реформа мѣстнаго самоуправленія на началахъ возможно болѣе широкаго

привлеченія населенія къ дѣлу и съ распространеніемъ реформы на всю Россію. Весною 1907 года эти представители уступили бы мѣсто новымъ выборнымъ отъ земствъ и городовъ, но уже отъ всей Россіи. При хорошей постановкѣ мѣстнаго самоуправленія эти выборы значительно приблизились бы къ всеобщему избирательному праву—только подача голосовъ была бы не прямою, а двустепенной. На этотъ составъ были бы возложены слѣдующія задачи: 1) изданіе закона о всеобщемъ избирательномъ правѣ съ предоставленіемъ органамъ мѣстнаго самоуправленія подготовки технической стороны выборовъ; 2) реформа народнаго образованія на началахъ общедоступности, автономіи и участія общественнаго элемента; 3) реформа финансовъ, направленная на ослабленіе косвенныхъ налоговъ и введеніе прогрессивнаго подоходнаго налога; 4) реформа суда и администраціи; 5) реформа уголовнаго и гражданскаго законодательства. На составъ представителей, избранный въ 1910 году на основаніи всеобщей, прямой и тайной подачи голосовъ, выпало бы разрѣшеніе задачъ соціальнаго характера, среди которыхъ на первомъ мѣстѣ стояли бы вопросы аграрный и рабочій.

Таковъ постепенный ходъ обновленія русскаго государственнаго и соціальнаго строя, какимъ онъ мнѣ представляется при мирномъ теченіи общественнаго обновленія...

Будемъ же надѣяться, что въ этомъ возвѣщенномъ единеніи Царя съ народомъ русское государство пріобрѣтетъ новыя силы и вся общественная жизнь дастъ пышный расцвѣтъ матеріальнаго и духовнаго богатства. Не повѣримъ тѣмъ мрачнымъ воронамъ, которые, при видѣ отживающаго стараго режима, предвѣщаютъ гибель всего русскаго государственнаго организма. Нѣтъ, не о смерти организма, полнаго жизненныхъ силъ, идетъ теперь рѣчь, а

лишь о необходимой операціи, которая предохранитъ организмъ отъ смерти. Повѣримъ епископу нарвскому Антонину, что мы наканунѣ освобожденія духа. И освобожденный русскій народъ примется за созидательную работу съ такою энергіею, какой, можетъ быть, еще міръ не видалъ. Не въ томъ истинный патріотизмъ, что-бы все существующее считать разумнымъ, а въ томъ, чтобы твердо желать, все разумное сдѣлать существующимъ.

Измученный русскій народъ жаждетъ мира, порядка и свободнаго труда....

Кто много страдалъ и терпѣлъ, вправѣ вѣрить въ свѣтлое будущее....

Сочиненія того же автора:

1. Учебникъ русскаго гражданскаго права, пятое изданіе, 1905, цѣна 5 рублей.
2. Курсъ гражданскаго права, два выпуска, 1901, 1902, цѣна по 2 рубля.
3. Учебникъ торговаго права, второе изданіе, 1903, цѣна 2 руб. 50 коп.
4. Курсъ торговаго права, 1899, третье изданіе, цѣна 6 руб.
5. Конкурсное право, второе изданіе, 1898, цѣна 3 руб.
6. Система торговыхъ дѣйствій. Критика основныхъ понятій торговаго права, 1888, цѣна 2 рубля.
7. Авторское право на литературныя произведенія, 1891, цѣна 2 рубля 50 коп.
8. Наука гражданскаго права въ Россіи, 1893, цѣна 2 руб.
9. О порядкѣ пріобрѣтенія ученыхъ степеней, 1897, цѣна 30 коп.
10. О чувствѣ законности, 1898, цѣна 30 коп.
11. Герои Максима Горькаго передъ лицомъ юриспруденціи, 1904, цѣна 40 коп.
12. Исторія философіи права, в. I, 1904, цѣна 1 рубль, в. II, 1904, цѣна 50 коп., вып. III, 1905, цѣна 1 руб.

Цѣна 50 коп.

